

СЕРДЦЕ СТЕКЛА

Точные оптические приборы не обладают подлинным очарованием искусно сделанного огнестрельного оружия. А жаль, они того заслуживают.

А «романтична» ли охотничья оптика? Что касается подлинного очарования изящного огнестрельного оружия, то тут нет вопросов. Но мы пока ещё не склонны любить оптику, по крайней мере, испытывать к ней какие-либо личные чувства. Маленький ребёнок сделает себе игрушечное огнестрельное оружие из веника или палки и будет охотиться на воображаемых львов. Но приходит ли ему когда-нибудь в голову мысль

о том, чтобы сделать игрушечный бинокль для наблюдения за воображаемой овцой? Стерильные, по определению хрупкие приборы, воплощающие в себе головоломные технологии, просто не только не способствуют игре воображения, а наоборот как бы утверждают: «Не трогать». Оптика, прямо говоря, не возбуждает.

Итак, я не уверен, что могу заявить о любви к оптике. Но она весьма нравится мне, и настолько,

История бинокля является долгой, богатой и романтической, как и история огнестрельного оружия

что я никогда не выкажу неуважение к биноклю. И у меня редко нет под рукой бинокля, будь это дома или в машине, или в любое время, когда я нахожусь на открытом воздухе. Да, я не посвящаю часы размышлениям о таких мелочах, как «показатель преломления», зависимость скорости настройки от соответствующего барабана дальней настройки, или какое именно фторированное покрытие является лучшим для «просветления» оптики. Но у меня, я полагаю, есть достаточно опыта, чтобы быть, по крайней мере, искренним приверженцем-любителем хороших биноклей, прицелов, и подозрных труб, если и не добросовестным экспертом. Так что – да, я буду говорить о романтике охотничьей оптики.

Полевая оптика и впрямь возникла во времена, полные романтики, – в конце эпохи Возрождения и, возможно, как оно и было, сыграла важную роль при вступлении в эпоху Просвещения. Суть полевой оптики заключена в греческом слове *teleskopos*, что означает «далеко видеть», откуда и возникло наше слово «телескоп». Смежной наукой, возникшей в это же время, стала микроскопия. Тут тоже сочетание греческих слов *micros* (маленький) и *skoros* (видеть) – в первом случае речь идёт о наблюдении за бесконечностью, а во втором – о наблюдении за бесконечно малыми величинами.

Быстро перемотаем вперёд четыре века развития оптики. Мы пойдём от эпохи Галилея и Кеплера к Ньютону и телескоп-рефрактору; к театральным биноклям и полевым биноклям (которые могут обеспечить только пятикратное увеличение, чтобы оставаться при этом портативными); к подозрной трубе;

к призматическому биноклю, за который мы благодарны изобретателю, итальянскому майору артиллерии в отставке Игнацио Порро, сделавшему свой прибор в 1854 г.; к производителю оптики Уильяму Малькольму, освоившему массовое производство ружейных оптических прицелов в 1855 г. в г. Сиракузы, штат Нью-Йорк; к внутренней регулировке оптического прицела, разработанной в XIX в. чешским лесничим Августом Фидлером; к изобретению «антибликового» покрытия для линз родившимся на Украине учёным, имя которого напоминает название хлопьев из злаков для малышей – доктор Смакула; к прицелам с удалением выходного зрачка, появление которых было продиктовано боевыми потребностями самого воинственного столетия в человеческой истории; к прицелам с 2 1/4, 2 1/2, и 4-х кратным увеличением в стальных трубках, которые считались последним словом техники во времена президента Трумэна, но при умеренном дожде они становились столь же мокрыми изнутри, как и охотник снаружи. Эта сага практически столь же длинна, богата и романтична, как и сага об огнестрельном оружии, и гораздо дольше и живописнее, чем эпосы о самолётах, автомобилях и локомотивах.

В некотором смысле, охотничья оптика – это своеобразное транспортное средство, предназначенное для перемещения удалённых объектов ближе к нам, или приближения нас к ним (объекты не становятся, скажем, в десять раз больше, а начинают выглядеть так, как если бы мы рассматривали их невооружённым глазом с дистанции в одну десятую часть расстояния

до них). Если бы олень или антилопа куду были на удалении от нас в тысячу ярдов, то мы могли бы видеть их лучше, если бы сократили расстояние наблюдения до ста ярдов. Или мы можем использовать десятикратный бинокль и сжать это расстояние практически со скоростью света. Понимаемая таким образом, оптика позволяет нам путешествовать с предельно большой скоростью, которую только возможно будет достигнуть.

Таким образом, фактически, романтика охотничьей оптики состоит не в ней самой и не исходит от неё, как в том случае, если бы оптические приборы являлись произведениями искусства, а в том, куда они могут переносить нас. И некоторые ситуации требуют большей транспортировки, чем другие. Джек О'Коннор, описывая наблюдение за дикими баранами на Юконе, отмечал: «Если бы у меня был с собой хотя бы монокуляр, я бы уберёгся от того, чтобы понапрасну бить ноги, но у меня его не было. Пара биноклей (так!) позволяет человеку не слишком-то гадать на кофейной гуще при охоте на баранов». (Извиним в данном случае выражение «пара биноклей», это же Джек О'Коннор, но стоит отметить, что без оптики охота на баранов, какой мы знаем её сейчас, и та, которую знал О'Коннор в своё время, была бы трудно представимой, и это относится и ко многим другим видам охоты).

Один из самых романтичных эпизодов оптического наблюдения приводится в книге «Зелёные холмы Африки», когда Эрнест Хемингуэй описывает сцену, которую можно было наблюдать только в бинокль: «В бинокле появился носорог; он был очень ясно и отчётливо виден

на расстоянии, краснокожий в лучах солнца, и он двигался по холму на манер шустрого жука-плавунца. Потом ещё три носорога вышли из леса, темнея в тени, и двое из них, крошечные в бинокле, вступили в схватку, сталкиваясь между собой лоб в лоб перед зарослями кустарника. А мы наблюдали за ними, пока не стемнело». Это были одни из первых носорогов, которых видел Хемингуэй. Хотя это и не передний ряд сидений, но зато сходно с тем, чтобы сидеть на верхнем ярусе арены и иметь возможность охватить весь размах происходящего ниже действия. Именно там Хемингуэй и рекомендовал находиться любителям, когда они начинали посещать бои быков и не в полной мере разбирались в том, что происходит на их глазах.

Существует любопытное ощущение, присущее некоторым охотникам, когда, используя некоторые виды оптики, они видят вещи как бы затемнёнными, что характерно для винтовочных прицелов. Близорукий Хемингуэй по большей части избегал охотиться с ними и высмеивал охотников, которые так поступали. Роберт Руарк чувствовал, как будто бы он устранял какой-то недостаток своего характера, когда в первом своём сафари он оторвал от винтовки эту «проклятую, предательскую штуку» (у него прицел сбился с точки пристрелки) и выбросил прицел «ржаветь в высокой жёлтой траве» Танганьики. Существует мнение, будто бы есть что-то «ненатуральное» в использовании оптического прицела – и, как ни странно, но этот же аргумент звучал и по адресу открытых прицельных приспособлений. Тем не менее, я подозреваю, что ни Дэниэл Бун, ни Льюис

и Кларк не отказались бы от использования водонепроницаемого прицела с переменным 3–9-кратным увеличением и дуэплексной прицельной сеткой, окажись он в их распоряжении (конечно, винтовка из нержавеющей стали калибра .30-06, с композитным прикладом также пригодилась бы в году этак 1805, да ещё и с одной-двумя коробками патронов с пулей типа VT весом 165 гран в придачу).

То, что мы видим через охотничью оптику, не является фиктивным или вторичным, подобно тому как фото на странице, фильм на экране или видео на телевидении является значительно удалённой реальностью, к тому же часто и отредактированной. Единственное, что оптика, которую мы подносим к нашим глазам (за исключением ночных прицелов и тепловизоров) может донести до нас, – это подлинные световые лучи, отражённые от реального объекта или животного, которое мы рассматриваем, и это происходит всего лишь путём фокусирования существующего света на сетчатке наших глаз. Это полностью физическое ощущение, а не фантазия или иллюзия.

Может быть, ближайшим приближением того, какой опыт мы получаем, используя охотничью оптику, является магический реализм, содержащийся в латиноамериканской литературе (священник в одном знаменитом романе пьёт чашку горячего шоколада и, как ни в чём не бывало, парит в воздухе). Диках животных некоторым образом трудно себе представить, и они почти всегда невидимы. Именно оптика сначала делает их вероятными и наполняет их неким содержанием ещё до того, как мы можем прикоснуться

к ним руками. Теодор Рузвельт знал об этом, когда он писал: «Любопытно отметить, как после длительного и бесплодного обзора местности через бинокль стадо животных вдруг внезапно возникает в поле зрения, *словно по мановению волшебной палочки* (курсив мой)».

Я думаю обо всех тех животных, которых где-то там не было, а потом они обнаруживались в моём оптическом прицеле, или в подзорной трубе, или в бинокле, и как это всё заставляло меня поверить в волшебство. Некоторым образом, животное создаётся в оптическом приборе тогда, когда оно ещё не существует для моего невооружённого глаза. Оптика поднимает занавес и показывает нам то, что всё время было скрыто за ним, и то, в возможность существования чего мы, возможно, не вполне и верили.

Я размышляю об одном из номинальных определений перемещения, как «глубоких или очень приятных эмоций». Так что то, что даёт нам охотничья оптика, – это другой вид перемещения, это дрожь, возникающая тогда, когда голос в нашей голове, за оптикой, произносит с огромным удовлетворением и внезапным волнением: «Ах, вот вы и здесь». Это романтика охотничьей оптики, и то, что составляет истинное содержание сердца стекла.

Самая новая книга Томаса Макинтайра «Библия стрелка. Введение в оптику: наиболее полное из когда-либо опубликованных руководств по ружейным прицелам, биноклям, подзорным трубам, дальномерам и многому другому» выйдет в свет в июне, в издательстве Skyhorse Publishing.